
И. А. СЕДАКОВА

**СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
В НАРРАТИВАХ СТАРООБРЯДЦЕВ
БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ¹**

Статья написана по материалам, собранным в 2006–2008 гг. у русских старообрядцев — некрасовцев и липован Болгарии (с. Казашко, Варненская обл.; с. Татарица, Силистренская обл.) и Румынии (с. Сарикей, с. Каркалиу и квартал Писк г. Брэила)². Настоящая публикация служит развитием и продолжением моей статьи о родстве (Седакова 2008а), в которой раскрывались некоторые аспекты религиозного и бытового воспитания у старообрядцев Болгарии и Румынии.

Родство — одна из доминирующих тем в нарративах информантов-староверов, и это естественно, потому что семья входит в ранг сверхценностей не только у членов патриархального сельского социума (Кабакова 2009: 613), но также и, согласно новейшим социологическим исследованиям, у россиян — жителей городов (анкеты ВЦИОМ, май 2009; БЦР: 180). В данной работе под ценностями мы, вслед за социологами, понимаем «жизненные смыслы, которыми индивиды... руководствуются в своей повседневной жизни, смыслы, которые в значительной степени определяют отношения индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения» (БЦР: 12).

Семейные темы являются обязательной составляющей этнолингвистических исследований. Рождение ребенка, свадьба, смерть и погребение — это те сферы традиционной культуры, рассказы о которых наиболее ярко эксплицируют родственные отношения и на которых эти рассказы и базируются. Тема родства обязательно при-

---

¹ Статья написана в рамках Программы Президиума РАН (Направление 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах и фольклоре народов России», проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность», 2009–2011).

² Полевые исследования велись в рамках проекта ОИФН РАН «Русские села на Балканах: архаика и заимствования в народной культуре» (рук. А. А. Плотникова) и проекта Президиума РАН «Статус фольклора в изменяющемся мире: архаизм и инновации» (рук. Т. В. Михайлова).

сутствует в беседах о народной религиозности, о календарных, окказиональных, народно-медицинских обрядах, в демонологических рассказах (поверьях, быличках). Кроме того, в полевой работе мы часто встречаемся с желанием собеседника рассказать об эпизодах жизни, связанных с родными, казалось бы, вне этнолингвистической проблематики. Однако если рассматривать этнолингвистику в самом широком ее понимании (а тенденция ко все более всестороннему изучению фактов народной культуры, языка и фольклора в русле этнолингвистических исследований сейчас очевидна), любое обращение к теме родства содержит весьма значимые сведения для комплексных языковых и лингвокультурных изысканий³.

Заинтересовавшись темой родства, увидев в этом аксиологическую и этнопедагогическую проблематику, я стала задавать вопросы целенаправленно: «Что Вы помните из детства?», «Что значили для Вас бабушка, дедушка, отец, мать?», «Как в детях воспитывали религиозные чувства?» и др., и это позволило собрать обширный материал по семейным ценностям старообрядцев. В статье излагается система ценностей, характерная для староверов в возрасте 50–80 лет, относящихся, по классификации С. Е. Никитиной, к верхней (элита, знатоки конфессиональной культуры) и средней (участники конфессиональной жизни) стратам (Никитина 2008: 42–43). Представленный в статье материал свидетельствует о том, что староверы зарубежья, наряду со специфическими ценностями (преимущественно этноконфессионального плана, обусловленными историей и проживанием в диаспоре, изгнании), высоко ставят и общие для всех патриархальных групп ценности (порядок, моральные и этические качества и др.).

Семья и род у старообрядцев. Система родства у староверов зарубежья имеет яркие особенности, которые накладывают отпечаток на аксиологию семейных отношений. Специфика крепких связей внутри семьи обусловлена малочисленностью старообрядческих общин в Болгарии и Румынии и их положением иноверцев и инородцев, про-

---

3 Обозначу одну из важных тем, имеющую отношение к родству, которая постоянно возникала в беседах с информантами: трансформации обращений к родственникам в условиях иноязычной среды и/или под влиянием литературного русского языка. Старообрядцы отмечают особенности в обращении к матери и отцу в семье в разных поколениях. Например, *маминь, маминь говóрила так, не мам, как щас, ФФ; Я «мама», «тятя» говорила, а у сестры слабость пошла — «мамика», «татика», АНЛ* (см. статью А. А. Плотниковой в этом сборнике).

живающих в чужих странах, в диаспоре. Старообрядческая семья — это семья ветхозаветная, а не новозаветная: роль всего рода здесь выше, чем роль собственно супругов. В рассказах о бабушках и дедушках информанты (уже сами в возрасте бабушек и дедушек) приводят много примеров несходства религии, образа жизни, быта, русской обрядности диаспоры с обычаями соседей. Такое островное положение старообрядцев (Steinke 1990; Анастасова 1998) создает большую близость даже и между довольно далекими родственниками.

Род (*рода*) у староверов весьма разветвленный и включает в себя прежде всего кровных родных, поскольку семьи были многодетными (*Грех мужику женщину беречь*, ЕА; *У моей бабушки 16 детей было*, ДЛА; *У мамы было 9 сестров*, ЕИС; *У брата гурда детей*⁴, АФС), см. об этом и в более ранних публикациях (Романска 1959: 206). Кровное родство по своей значимости равно или даже уступает духовному («крестовому»): *Родство по крови слабее, чем по церкви*, ЕА. Родство в эндогамных условиях в небольших этноконфессиональных анклавах накладывает серьезнейшие ограничения на формирование старообрядческих семей, что отражается и в нарративах. Если, например, кровные родственники не могут вступать в брак до пятого колена, то дети кумовьев не женятся до седьмого колена (*семым коленом могли жаниться*, ККЛ). В круг родных, которые не могут «браться» (т. е. заключать брак), включаются также усыновленные (особенно после прочтения специальной молитвы в церкви, ЕА), «молочные» братья и сестры, родственники мужа и жены после заключения брака (свойственники) и др.

«Чистый», «несмешанный» с представителями других этноконфессиональных групп брак сохраняет свою особую ценность в старообрядческих общинах, поэтому понятна специфика выбора брачного партнера⁵ и особая регулирующая стратегия формирова-

---

⁴ В статье не ставится цель обозначить особенности говоров (см. об этом: Steinke 1990, Касаткин 2008, Седакова 2008а), поэтому тексты приводятся не в точной фонетической транскрипции, а лишь с указанием самых ярких отличий от литературного русского языка. При непонятных заимствованных словах в квадратных скобках дается перевод на русский язык.

⁵ Обычно в селе был один человек, который вел записи, фиксируя родство, и перед сватовством проверял, не родственники ли парень и девушка. В с. Каркалиу эти обязанности выполняла жена священника (свидетельство ее дочери: «Мама была эксперт по родне», ЕА). Записано много нарративов о том, как такие проблемы возникали и как они разрешались или не разрешались (наведение порчи на дочь священника за то, что он

ния родства — в крестные старались выбрать кого-либо из кровных родных, чтобы семья не разрасталась (*чтобы не вязать роду*, УНМ; ККЛ). Обширное родство заставляет староверов из одного села искать жену или мужа в других селах. Невестки из Румынии у старообрядцев Болгарии и болгарские в Румынии, браки между выходцами из разных старообрядческих сел внутри одной страны — такое явление отмечается в исследованиях, проведенных в разные годы (Романска 1959: 522, Анастасова 1998: 45; Узенева 2007 и др.).

В беседах с информантами обращает на себя внимание частотность упоминания родных, даже не самых близких. Так, в двухчасовом разговоре с Пелагеей Федоровной Еремия (с. Каркалиу, Румыния) в связи с разными вопросами упоминаются мать, отец, бабушка, дед, муж, свекровь, свекор, дед и бабушка мужа, сын, дочь, зять, внучка, двоюродные и троюродные сестры, крестная, ее дети («крестовая» родня) и др. Члены семьи, духовные родственники, как живые, так и умершие, образуют незримый фон сегодняшнего существования, они как бы присутствуют в повседневной и религиозной жизни, на них равняются, их ставят в пример и самим себе, и своим детям и внукам. О родных помнят, некоторые их особенности, как считается, наследуются: *Есть семечко* (ПФЕ) — этим клише объясняется внешнее и внутреннее сходство родителей и детей, братьев и сестер, см. в этом плане о роде (Толстая 2009: 442).

Хорошее знание генеалогического древа обязательно в старообрядческой среде. Краткие характеристики родных и весьма развернутые биографии — частые жанры в диалогах с собирателями: *А вот дед Макарий, дед моей жены, он рожденный был в 1812, и он жил до девяносто восьми. А он воевал там в России, его раза три с вешальницы [виселицы] съмали... Сидел в одном монастыре, горохом три недели питался..., ДЛА; Мой дедушка, он стрельцом был. Мой дедушка был рожденный в 1845 году. В 1945 году, когда сто лет исполнилось, он помер. Он так говорил: «Когда придут наши солдаты, тогда...», ИЛБ. Обязательно указываются основные качества стариков, доминирующие среди ценностных характеристик старообрядцев: *набожный, мудрый, строгий, умненький, хитренький* (=умный, сообразительный) и др.*

отказался венчать троюродных брата и сестру). Рассказывают о том, как троюродные (четвероюродные) или «крестовые» брат и сестра нарушали запреты и какие наказания выпадали на их долю. Ср. также: [Кто следил за соблюдением родства?] *Сами люди. Не венчали, мучили, кое-кто женился, но их не венчали. Были случаи. Одне были братья крестовые. Батюшки к им не приходили домой, ни на что не имели право, ККП.*

Устные тексты, культура «рассказывания» и ценности. Старшее поколение по-прежнему стремится передать младшим основы своей культуры, веры, принципы этики и морали и т.д., которые они почерпнули из собственного опыта, наблюдая за старшими родственниками и слушая их рассказы. Семья и ее история составляют основную память старообрядца: именно внутри «своих» сохраняется устойчивый миропорядок, который, по представлениям самых убежденных старообрядцев, должен быть незыблемым. (В скобках укажем и на ценность старости как таковой — именно старшие родственники поддерживают, сохраняют и передают основные смыслы жизни и модели поведения староверов.)

Устойчивость базовых ценностей — семьи, памяти, «избранности» староверов, знания, старости, традиции и порядка — создается отчасти благодаря семейным текстам, которые составляют важную часть нарративов старообрядцев. Подтверждением тому, что старшие родственники много и часто разговаривали с детьми, служит множество примеров из наших записей, ср.: *Мама рассказывала, нам дюже было интересно, когда нам рассказывали наши родители, НФП; А мы все интересовались. Мамика нам все приказывала, что когда, может, придется, смотрите, вот так надо делать. Учила, чтоб помнили, ПФЕ.* Рассказы в детстве повторялись многократно: *Я когда поехала у Румынию, я все одно там була. Бабушка мне рассказывала, как они жили, как были, как в церковь ходили... ФФ; Мы молодые были — сюда заходило, сюда выходило. Сейчас понимаем, нам бы послушать дедушку сичас. И все рассказывали свою жизнь. И войну они поймали. Дедушка родился тоже в Гендереште. А мы спешили, дедушка, рассказывай. Как рыбалили, как готовили тую рыбу, как праздновали, много было чего рассказать. И пел нам стихи церковные, бывало, да мы не дуже брали внимания..., НФП.*

Часто нарративы начинаются зачином: *мой дед рассказывал, бабушка мая гавóрила, мне крёстная учила, от тётки знаю и т. п.* (ср. и Анастасова 1998: 39, 61). Нередко в рассказах появляются глаголы говорения и маркеры прямой речи — глаголы *говóрит, кажет* и др., что является типичным для всех семейных нарративов, в том числе и для старообрядческих, и свидетельствует о важности «рассказывательной» культуры в патриархальных семьях.

Роль семейных нарративов в формировании самоидентификации, усвоении «большой» культуры (через «малую») и, соответственно, системы ценностей — чрезвычайно велика. Исследователи подобных текстов, среди прочего, подчеркивают глубинную связанность семейного нарратива с архетипическим культурным опытом всего соци-

ального, этнического и т. д. сообщества; известную клишированность этих текстов; их временную устойчивость и повторяемость из поколения в поколение с минимальной потерей элементов (Сапогова 2002).

Тематика устных рассказов, в которых фигурируют члены семьи, необозрима. Это портреты родственников и их биография; афоризмы родных, включенные в контекст; наставления по вере, по исполнению церковных обрядов; обстоятельства рождения ребенка; болезни в семье; женитьба; учеба и отношение к знаниям (светским и религиозным); погребение; последние минуты родных; грехи; «последние» времена и др. В нарративах старообрядцев о родстве можно выделить ряд ключевых слов и концептов, соотносящихся с семейными ценностями и акцентирующих их (*слушать, честь, чистота, страх Божий, срам, стыдно, держать, слабость* (в вере) и др.). Ниже мы попытаемся представить некоторые семейные ценности через тематические блоки рассказов старообрядцев и попутно обратить внимание на ключевые слова в конфессионально-бытовом словаре старообрядцев, см. подробнее о лексиконе староверов (Толстова 2004).

Семейная история в свете базовых ценностей. Клишированность семейных нарративов особенно характерна для текстов из области устной истории. Рассказы о миграции и основании сел (подробнее о миграции старообрядцев в Добрудже см.: Пригарин 2004; 2008а) соединяются с историями о сватовстве и замужестве на новом месте, услышанные от дедов и прадедов, и включаются в свод необходимого, «ценностного» семейного знания, подробнее об этих рассказах см. (Седакова 2008). Для иллюстрации приводим фрагменты двух нарративов об истории заселения с. Казашко в духе традиционных для староверов рассказов о «спасении бегством»:

1. *Бабушка рассказывала, к жизни с ей я была подготовленная. Вот папина мама, она восемнадцатилетняя была. У ей был у Тульчи жених, просватанная. У ей был брат на военной службе. А тада у Ромынии шесть лет служба была, дуже тяжёлая служба была. И брат не выдержал, и утёк, и дезертирал, и пошёл в Украину, в Россию... Пришёл в Ромынию — кожа и кости. Его расстрел ждёт — утёк из поста. И они — што делать. Мать завязывает шлёп [лодку] и по Дунаю, по Дунаю и утекают в Болгарию, заради тово брата. И пошли там, где Варна ТЕЦ [ТЭЦ] сейчас, там где-то настанилися [поселились] по лиман. Комарей, говорит! Камыша нарезали, колибу [шалаш] сделали, а я как упаду, говорит, плачу, говорит, не встаю, от города привезли в комари в теи. Нема ни лампы, ни хаты, ниче-*

во⁶. А оне были, значи, бабушка, етый брат Григорий и ещё одна была тётка Марфа, меньшая дочка, ФФ.

2. Отцовы родители были у Турции. От Турции утекли, что турчин хотел фес покласть [обратить в мусульманство]. Резал мужчин, хотел, чтоб не было православное, а штоб было турецкое. И моему отцу было три годика, когда привезли его сюда, в Болгарию. Тут заселились. Тут не было не поезда, ничево, только лиман и камыш. И вот один построил хаточку, другой построил хаточку, и вот так, вот так.

Дедушка и бабушка по маме пришли из Ромынии, из Тульчи. А из Ромынии пришли потому, что в Ромынии тогда дуже большая холера ворловала [свирепствовала]. А ромын холеру как уничтожал: просто одна большая яма была, это стра-ашная картина была — дедушка рассказывал, он был большеенький, ему был 21 год, а бабушке было 19 лет... И дедушка Герасим — дедушкин отец видал, слышал. Скота у нас етого было, постройки были метров двести, наверно. Он открыл все двери, чтобы скотина повыходила... И вот куды нас Господь приклонит, и вот потом в море Черное захали, восток дул, и вот тутотка... ФК.

У липован (субэтническая группа старообрядцев Добруджи, подробнее о них см.: Пригарин 2004; 2008) в с. Татарница Болгарии и в селах Румынии в подобных историях отчетливее звучит набор таких ценностных концептов, как «большая» родина⁷, родной язык, вера, избранность староверов. «Те [прадеды] пошли сюды за веру, пошли искать веру, надежду и любовь, — говорить, — это, — говорить, — нашли, а родину потеряли», — так дедушка говорил, ДЛА.

В последнее время в общинах староверов зарубежья возросло стремление к самоидентификации. Идентичность составляет важную социальную ценность, представления о самобытности старообрядчества из внутренней, семейно-исторической сферы перешли и в сферу официальную — социальную, культурную, политическую⁸.

⁶ Тема лишений и трудной жизни родных при создании села — общее место в исторических нарративах старообрядцев: *Мать говорила, прадедушка говорил, когда пришли сюды, говорить, они имели избушки, говорить, избушки укопанные, и там сидели, не было домов у них. Трудно было, ДАЛ.*

⁷ Заметим, что отношение к России и СССР как к «большой» родине среди старообрядцев очень противоречиво, подробнее см. (Седакова 2006).

⁸ Частью герба Силистренской обл. в Болгарии, куда входит с. Татарница, является старообрядческий крест; ср. также создание казачьих хоров и музыкальных ансамблей во многих русских селах.

Идеи об избранности старообрядчества в целом и его конкретного течения — безусловной ценности староверов — вписывались и вписываются в семейные истории. С появлением церковной литературы и книг об истории старообрядчества (литература о старообрядцах, в том числе проживающих в Добрудже, стала распространяться в 90-е гг. XX в.) в рассказы, услышанные от старших родственников, добавляются прочитанные в последние годы детали о миграции, новые термины, усиливающие представления об избранности, ср.: *Они [старики] всё говорили, а откыль [пришли], оне нам никогда не говорили. Секрет⁹. Станешь спрашивать их, они боялися. Потому что нас уперед, как говорили? — Раскольники. Дедушки наши когда пришли сюды, оне скрывали. Когда спрашивали «Соткель»? — «Мы с России», и говорили такие области, которые оне там не бывали, ДЛА. «Книжное» влияние особенно заметно в интерпретации эндонима *липоване*, также отражающей представление об «инакости» старообрядцев, хотя есть и версии устных семейных объяснений этого «прозвища»: *Они [старшие родственники] говорили, когда там где-то был лес липовый. И они не знали по-румынски говорить. «Откыле вы?» — «Мы, — говорит, — липовские». Это они скрывали: «Мы липовские». И так липовские, липовские, липоване и остались. А откуда, не говорили. Никто точно не может узнать, откыль это слово. Нам многие так говорить. Оне же когда ужжали оттыля, было гонение веры. Оне же не хотели принимать крещенство и духовство... И это звание уже после первой войны. А вперед говорили «донские казаки», ДЛА.**

Семейная история передается и через материальные ценности. Реликвией считается у старообрядцев то, что несет духовный заряд и вместе с тем служит сохранению традиции, — святыни (иконы, книги), которые всегда брали с собой при перемене мест. В этот же ряд можно поставить и старообрядческую церковную одежду с ее обязательными атрибутами (пояс и лестовка), ср.: *[А что с собой брали, когда убежали?] Иконы и вот одежды церковные. У мене еще есть прабабушкина юбка, мене еще мать дала на сбережение, так она и лежит, ДЛА; Что могли на лодку взять? Взяли книги, иконы, ничего божественново не оставили. А другое все оставили и пустилися по Дунаю. Вот эта шубочка это*

⁹ Тема утаивания нередко звучит в семейных историях — скрывается самое ценное, знания (*Дед Макарий имел хорошие истории, все не хотел, чтобы ему никто не записывал, чтоб ничего не знали, ДЛА*), нередко это связывается не только с традициями расколичества, но и с более поздней историей — временем сталинских репрессий (*Тогда было сталинский закон и боялись, ДЛА*).

бабушкина, ФФ. Одежда, особенно женская, передается из поколения в поколение, даже кусочки из износившейся шубки используются для вставки в нарядное, праздничное одеяльце для младенца (Они шли через руки — эта бабушка своей дочке, та — своей, УНМ).

Воспитание семейных ценностей. Одна из важнейших установок воспитания в семье — это передача разного рода сведений, маркируемых как ценности или антиценности. От старших родственников идет все культурно-бытовое, конфессиональное знание, которое (несмотря на сопротивление и даже «бунты») усваивается молодыми. Нередко можно услышать такие рассказы, касающиеся конкретных родственников, о воспитании в детях различных моральных и этических качеств: *Дедушка был строгий — понимал, что жизнь молодая, учил, чтоб в церкву ходили, чтоб молилися, чтоб друг друга понимали, чтоб каждого человека уважить хорошо, не обижайся так скоро — хоп да обиделся. Может, и ему што-то у той момент было трудно, может, через час-два сожалеет. И для Бога, и для людей чтоб было, НФП; Она была дуже мудрая, бабушка, и мне говорила так: «Не надо вманичаваться [предаваться фанатизму]. Хучь Богу молиться, хучь чево-то делать, хучь чево и було. Надо всё нормально чтоб было. Надо мерка чтоб было, чтоб все по мере было. Не чтоб ты, вот, сейчас встану, буду молиться, лоб свой бить, а выйду на улицу, и вот такой язык высуну и начну клеветить». Значит, она к этому сказала: даже и молиться нельзя, не отдавайся маничаваться, как маняк. Это погано, это погано..., ФФ; Мой батюшка был дуже умный, толька духовному нас учил, и всё в голове осталось, АНЛ.*

Ценность знаний, полученных от стариков, осознается и вербализуется информантами, лишь когда они сами становятся главой семейства, хозяином/хозяйкой, матерью/отцом, дедом/бабкой, начинают выполнять те функции, которые исполняли их старшие родственники. Почти все 50–80-летние собеседники отмечают атмосферу строгости в сочетании с любовью, царившую в своих семьях: *Я дуже боялася папу, ФФ; Бабушки мене дуже любили. Ну, деды как-то строго держались, ФК. Страх перед взрослыми и послушание были нормой: Мы дуже слухали батьку, матку: Отец учил — будут парни тягать за запан [фартук] — беги домой. Береги девячье как глаза, ЕИС. Не только для девушек, но и для парней первыми словами в семье были нельзя, непотребно.*

Для родителей было важно сохранять в семье иерархию, воспитывать уважение к старшим, передавать детям (даже уже во взрослом возрасте) основы «правильного» поведения в самых различных

ситуациях. Иллюстрацией к этому (соединение «бытового» знания с «этическим» и «божественным») служит рассказ одной старообрядки о своем разговоре с матерью при появлении первых месячных: *Мать почала говорить: «Гляди, мойся, опасайся, чтоб тебя не видали мужчины. Это Господь дал по капле крови, чтоб девки и женщины имели. Гляди, иконы не касаться чтоб до восемь дён. Ты уже не младенец, не девчонка, ты девица». Напужала меня мама, никогда не забуду!* УНМ. Неверное поведение, нарушение правил влекло за собой наказание: *Раньше на свадьбу ходили только побрамши [состоящие в браке]. А мне [неженатого парня] девки пригласили, пошел. Ай, что мене було от мамы! А зашто? — Парень, ИЛБ.*

Регулярное посещение церкви, работа, ограничение «бесцельного» гуляния, редкие прогулки и игры с ровесниками — такого режима требовали старшие: *Держали коло дома, гулять не пуцали, постояла коло форточки тока...; по сяле мы без дела никак не ходили, не как сейчас на центру [в центре села], ЕИС. Желание погулять, сопряженное с излишней свободой и потенциальным «собираением грехов», подавлялось старшими или путем прямых запретов, или уловками. Девочкам и мальчикам, просившимся на улицу, давали задания по дому: Отец просто на смех нас: «Иди у дежки натягай воды, поедем завтра на степ, чтоб водичка была натяганная». Натягаю. Опять не пуцает, УНМ.*

Чтение повседневных молитв — начал — в иерархии поведенческих ценностей старовера занимает самое высокое место, однако именно это вызывало наибольшее сопротивление у многих детей: *Мама чуть что заставляла богу молиться. А мы не хотели. И она придет, надаёт нам: «Иди молись»... Вот встанем молиться такому, такому, такому. «Ой, я забылася, еще этому, вставайте, еще тому молитесь». И мы так невзлюбили. Мать дуже была строгая, ДЛА; Трудно ставать, ложиться спать без начал! И нас мама заставляла, нас пятеро, другой раз обманем маму: «Мам, помолись», кланялись. Без креста стакан воды нельзя. Хлебушка нельзя, НФП; Нас мама учила — без начал лечь нельзя, ДДБ.*

Строгие посты, которые держали старики, упоминаются почти во всех нарративах русских старообрядцев Болгарии и Румынии: *Надо весь год не нарушить среду и пятницу, только тогда можно причаститься. Так дедушка говорил, держал, исполнял, каждый пост. Чтоб ты это держал, НФП; Ни в среду, ни в пятницу не ели. Мы знаем от своих старых. Две недели мясоедные в среду и пятницу, ФФ; В среду и пятницу моя бабушка никогда с волиоом [растительным маслом] не кушала. Яблочек с хлебушком съест, в соль хлебушка помакает, чайчика сварит, картошечку целенькую сварит. Это я*

помню. Она была такая набожная. И понедельникчала: как в среду и пятницу, так и в понедельник. Но это она уже сама себе положила — от себе. И дедушка так, и он был строгий, держал строго, ФК.

Основы религиозности старшие передавали детям и открытой словесной дидактикой со строгостью, любовью, и хитростью: *Мине бабушки говорили, что в церкви, как Херувимские песни будут петь, что задумаешь — исполнится. Или если под Евангелие подумаешь дуже сильно, оно и было. Нас обманывали, а мы верили. «Что ты будешь просить у своих удумках?»*, — мне бабушка грит. А я ей кажу: *«Платью хочу»*. Бабушка потом подшепчет мамке, и так и получается, ПФЕ.

Наиболее ценными качествами, которые развивали в детях, были трудолюбие, скромность, стремление помочь, услужить людям, чистота и аккуратность, честность (*брехать запрещали, воровать — «не лакомитесь»*, УНМ) и др. Особой ценностью в семье, безусловно, являлась грамотность (*Отец ей был грамотный, духовный. Все читал календарь, ДЛА*), однако грамотный/неграмотный — это характеристики, не всегда получающие однозначную трактовку в нарративах старообрядцев в зависимости от того, идет ли речь о церковной или светской грамотности. Знание славянской азбуки и умение читать церковные книги ценились очень высоко. Записано немало нарративов о том, как в семье старались выучить ребенка церковной грамоте в те годы, когда религия была почти под запретом, ср., например, рассказ старообрядки из Болгарии: *Знаешь, как учила его [сына] трудно? Была бремена дочкой. Он роденый в 52-м, девочка моя — в 60-м году. И я бремена была, дуже хотела [научить], лезу с фонарь, у меня на руке, у юни [июне] месяце пустили ток [электричество]. Иду и вкрадуча. Коммунисты не давали учить, не давали крестить, венчать, и я ево на калачки [на задворках] несу. И он мне говорит — он малый же был — на сколько лет же он был: «Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, жувети», — она [азбука] же легкая. Нясу. Антон был, царствие яму Божие, Антон был один. Много людей учили, другой Иван Данилов, третий Федот. К одному пойду — он заучит [поучит], боялись — каб не предали. Заучит, с ламбами [с газовыми лампами] теми. Боялись люди. Всё, предали Антона один, один, Павел ево называли. «Вот он, вот тот», — на Сталина показывает, — «вот етый Бог» на Сталина показывает, картину. «Куды идёте дятей учить?», гонял нас. [Болгарин был?] Не-ет, христианин, как мы. Павел, Павлюшка была, аще Жопа дразнили ево. Павлюшка Жопа. И сын грамоте выучился. И он на крылосе [клиросе] поёт браво [красиво] так, так мне радостно, радостно, АФС.*

Светское же образование не имело для старших такой ценности, как церковное, поэтому во многих нарративах старообрядцы вы-

сказывают обиды на родителей, не отпустивших их в «неверие» — в румынские или болгарские города продолжать образование: *Дядя мой был в министерстве. И говорит маме: «Возьму яе после 5 класса». А маменька: «Куды пойдет в неверие? Среди румынь девочка да позабудет всё». Я очень хотела учиться, плакала. Маменька против учения была: «Ламба [Газовая лампа], лекции, што ты портишь [тратишь] мне газ». Никому не сказала: «Учи». Может, большая была семья? Не простила я это маме. Если б я училась, если б имела свою франку [деньги], и счастливей была б, ПФЕ.*

Теперь в качестве семейной ценности у пожилых старообрядцев Румынии выступает знание гражданского русского алфавита: *Я ей [дочке, работающей в Греции] понаписала, не знаю, будет ли читать, и «Отче наш», и «Царю небесный». Написала молитвы по-русски. Она не умела. Мне на русски лучше. Зять липован, а на рамынском им легче. Раньше не было телефоном [так], мы слались письмами, как они уехали в Грецию. А я им на русски. Они мне по-румынски, буквы русские, и вот они научились. Хотут — не хочут, понаучились, ПФЕ. Указания для дочери, вышедшей замуж в Болгарию, как молиться по-славянски, мать писала румынскими буквами (информация ЕА).*

Утрата русского («липованского») среди молодых поколений воспринимается стариками как отход от традиции и потеря важнейшей семейной ценности: *У меня же унук болгар, нали [ведь так], он только по-русски не говорит. Мне дуже обидно, АФС.*

Наставления, наказы и ценности. Для старообрядцев характерно сохранение особого назидательного тона, что отмечают многие исследователи (А. Кречмер, устное сообщение; Толстова 2004 и др.). Назидательность эксплицируется и передается прямой речью, цитатами из поучений родных: *Дочечка, живи и помни, ФФ; Крестница, я умру, а ты будешь жить; Доча, гляди, я тебе только раз говорю, УНМ.* Нравоучительные пассажи включаются в рассказы о детстве, об исполнении церковных обрядов в семье и т.д., и их основная функция — поддержание главных традиционных ценностей, как базовых, так и более частных. Из множества семейных ценностей отметим несколько, связанных с девичьей честью и проводами человека в последний путь.

Почтения в преддверии или в начале семейной жизни — важный жанр коммуникации родственников, воспроизводимый в мемуарнарративах о девственности невесты: *Да, невеста была честная. Честь была. Девка она, и показывают же, например, нали [ведь] мой брат был венчальный крестный моему сыну и теперича оне должны*

поглядеть честь тую. Оне подучают молодых, чтобы как — може не умеют чё. А подучали — ешьте, пейте, а то будете корчевать¹⁰, не знаю, што там... [Корчевать?] Корчевать — да, гулять же будутъ. Только говорять им отдалёку, не говорять, што будете там, как теперь говорять — сек, секс, секция там, да не знаю што, а тада раньше говорили: «Вы же будете корчева-ать, да трудно будетъ, ешьте, нате», — подпихиваютъ им крёстный, крёстная. Они стесняются, притесняются, и когда покорчуют эту самую корчёвку эту (ето я уже смеюсь), и тогда ведут к батьке-матке на честь, АФС.

Не только в свадьбе, но и в целом дискурсе детства *слушайте* (слушайте, слушайтесь) было ключевым понятием. Оно весьма часто и в бытовых наставлениях, и в свадебных благопожеланиях и наставлениях посаженных родителей: *Вядуть перво в мой дом, у моей двоюродной сестры дома перазва* [гуляния по селу на второй день свадьбы с посещением дома невесты] (*переводят от тый хате к матке на честь*). С законным браком *проздравляютъ, батька её, матка: «Детки, с законным браком»* (яё родня), и они усем кланяются у ноги, у зем, знаешь, там подстелен один подрушник: «*Спаси Христос*». *Подносят им вина, говорять: «С законным браком» все вместе, молодой и молодая, и крёстный, и крёстная, усе вместе тарелку держат, поднос подносят — на нём вино — чтоб жили, крепкие были, чтоб слухали, да чтоб в церковь да ходили, да Богу молилися, да батьку-матку почитали — от как говорили и они слухали, АФС.*

Подобные идеи выражаются и в письмах, которые посылают матери своим замужним дочерям в другие села: «Проздравляю вас ис законным браком и желаю вам жизни и здравия и душевнова спасения и щастия и любви между вами. Таперь гляди сама палюбила и сама таперь слухай сваво хазяина и пачитай яво и свёкра и свякруху ... бо у тебе нет роду таперь ета твая вся радня будет...» ЕА (см. подробнее: Седакова 2008б). Отсутствие послушания в наши дни отмечают все старообрядцы¹¹: *Раньше надо було слухать, что говорят родители. А теперича молодёжь не слухают, АНЛ.*

¹⁰ Ср. костр. *корчевать* 'вести развратный образ жизни' (ЛКТЭ). Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Е. Л. Березович за ценные дополнения и замечания к этой статье.

¹¹ Не всегда слушались стариков староверы уже в 50-е гг. Так, например, одна староверка в молодости демонстративно отказалась от традиционной кички: *Кинула кичку — словно тонну с себя свалила, ФФ.* Показательно, что к старости она стала очень религиозной и начала надевать традиционный головной убор в церковь (ср. подобные рассказы: Анастасова 1998: 69).

Очевидно, *слухать* как «слушаться, исполнять» и «вслушиваться» лежало в основе исполнения последней воли человека, и проводы человека в последний путь по всем правилам остаются неизменной ценностью в старообрядческой среде (ср. *похоронки у нас боле всего остались как було, ККЛ, ФФ*), а также и у других конфессиональных групп (ср.: Разумова 2001: 289–302).

Так, например, в рассказ о соборовании бабушки включаются ценные сведения о «порядке» и «правилах» поведения после совершения таинства, которые должны передаваться из поколения в поколение: *После соборования своя чашка, ложка. Не имеет права 12 дней руки помочить, шьют ей рукавички, за нее варят, поют, кормят, пока не протекает тело этот собор твой. Бабушке мы шили. И пока она сидит в доме, только Богу молится. А мы малые были. Маменька сварит: «Баба, будешь есть?» — «Буду». В рукавичках все ест и хлеб тоже. Што покушает, несудомой [посуду]. Мамика дома полоскает. Первый раз ульет воду под дерево, не полоскала вместе с нашими, ПФЕ.*

Нарушение того, как «надо», во искупление греха требует совершения определенного ритуализованного акта, опять же в контексте традиционных старообрядческих ценностей: *Мой муж умер, я уже с им не жила. Рубаху яму сошила, а штаны не. Сыну сказала, што штаны нема. Сын помочил старые, высушил на солнце, в них закопали. Через 40 дней он мне приснился. «Здравствуй, — говорить, — Поля». «Здравствуй». «Что ж ты даже мне штаны не постирала?» «А кто ж тебе сказал?» «Да Стяпуныка». Двоюродная ево мертвая раньше ево была. А я прохватила [сообразила]. В голове мне стало — значит, правда. Один раз приснился, больше никогда. Сыну говорю: «Да что ты мене перабил, не дал мене как хотела его покласть. Батька мне приснился». Бабушка мне говорила, если мертвец что просил, надо — сделай живому, не мертвому. Нашелся один мальчишка ненормальный на нашей улице, я ему штаны сошила, ПФЕ.*

Соблюдение традиций захоронения в нарративах демонстрируют непрерывную передачу знаний: *Я и детям своим говорю, приказываю: Я теперь себе пошила [«смертную одежду»]. «Вот тут тое, вот тут тое. Может, приедете, а я на лавке, а вы не знаете, где ято лежить». А это надо, это надо, раз человек помер, только это мне надевай. «Ой, мам, мне прям страшно смотреть на это». Юбка, рубаха, шалечка, какую хочешь, — так бабушка наша всё говорила. И лестовка, чтобы она новая не была, чтоб хоть с ней ходила в церковь, даже самое малое — два-три раза, потом тебе ее положат, ПФЕ; Я когда помру, дитям приказала, чтоб миня в моей одёже положили, в какой я в церкву ходила. Не хочу никакие шубки-мубки никакие..., ФФ.*

Антиценности: грех и «поганое». Постоянная вербальная коммуникация между взрослыми и детьми помогала пониманию и усвоению конфессиональных правил. Много времени уделялось, к примеру, теме греха, о чем теперь часто вспоминают информанты: *Что грех? Всё — ступнешь и то грех сделаешь. Усё чисто грех. Как так парень тебя будет целовать? Грех — аж покаместь не повенчают, ЕИС; Желание словес — это грех. Это первое слово — «нельзя». Грех всякое дело. Я не буду сказать: «Я не грешный». Я знаю, что я согрешил. Плюнул — согрешил. Не дал слово человеку сказать — грех, СГВ; Усё грех считаем, а кто признаётся. Все праведные стали, АЯИ.*

«Всё грех» — лейтмотив в педагогике взрослых, оставшийся в памяти староверов. Любое отступление от устоев равноценно греху. Перечень грехов, рассказы, которые помнятся от бабушек и дедушек, включают много позиций: бритье (отсутствие бороды у взрослых мужчин), стрижка (для женщин), обыкновение молиться Богу в брюках (*в мужицкой одежде — семь лет без причастия, АНЛ*), разводы, жизнь без венца, отказ крестить младенца и многие другие поступки, которые иллюстрируются историями о наказании или о страданиях согрешившего: *А я говорю, как мне дедушка все говорил. Он неграмотный был, но все законы знал. И он мне говорил: «Живи и помни, дочечка, большой грех выгнать человека из Божьего дома. Если человек умрет, а грехи ты понесешь», АЯИ (о других грехах см.: Анастасова 1998: 61–67).*

Синонимами греха, грешного у старообрядцев служат слова *поганое, ереси, дурости, прибоконы*. В эту категорию попадает толкование сновидений: *Богородица мне приснилась, но это грех толмачить, — бабушка мне сказала, ФК; Бабушка моя так мне приказывала: «Дочка, начнешь сон толковать, начнешь сон верить и начнет еще боле сбываться. Что поверишь, то и дастся тебе. Погано это, погано, ФФ. Подробнее о символике снов у староверов см. (Седакова 2008в).*

«Поганым» считалось для церковных людей верить и в порчу, в *подделанное*. Вот чему учил крестный свою крестницу (болгарское село Татарица): *У меня был крестный, Максим яво было звать. И он такой был... один... прочутый [известный] человек, рабочий, любил читать, любил собираться с людьми. Я помогала яму виноград собирать. «Крестница! Ты молодая, растешь, выйдешь замуж. Будешь знать от мене. Я старею, ты будешь помнить. Где чаво найдешь, не сумлौйся, не будет тебе ништо никогда. А если посумлөөшься, сразу тебя поймает болость. Не бойся», АФС.*

При этом народные магические практики, правильное ритуализованное поведение после родов, на свадьбе, похоронах и т.д.,

чему старшие родственницы учили преимущественно женщин, оказываются важной семейной ценностью. Общим ценным знанием у старообрядцев является лечение сглаза и детского плача, ограничения для беременных и родильниц, лечение и многое другое, что заслуживает отдельного исследования.

Итак, семья как сверхценность в картине мира староверов коррелирует с другой основополагающей ценностью — сохранением порядка (в религиозной практике, совершении обрядов, в быту и т.д.). Любые изменения, и особенно в церковной и конфессионально-бытовой сфере (одежда, молитвы перед едой, поведение за столом и пр.), соотносятся с наступлением конца света и с «последними» временами.

Эсхатологические умонастроения в обостренной форме характерны для всех старообрядцев. А. Ф. Белоусов в работах о прибалтийских староверах, описывая «безотрадную атмосферу „антихристового царства“», утверждает, что «глубокий и радикальный пессимизм... составляет суть старообрядческой культуры» (Белоусов 1991: 9–10). Рассказов и реплик о приметах «последних времен» записано у староверов Болгарии и Румынии немало. Часто они ассоциируются с информацией, полученной в детстве или в более позднее время от родных. Рассказы о «последних временах» включают общие мотивы, объединяющие староверов из разных регионов, и всегда соотносятся с нарушением системы ценностей. Современные староверы в беседах удивляются, как это их «старики», темные и необразованные, знали, что произойдет через полвека: *Они ж не знали, что так будет, а всё чисто описали*, ЕА. Полное смешение мирового порядка — вот один из признаков «пришествия», о чем предупреждали староверов с детства: *За это еще говорила бабушка. Придеть вам время, что женщина будет мущина, а мущина будет женщина. А мы были дети, я и говорю: «Что они попеременятся? Как это?» И оне не знали, как сказать. А теперь девки в штанах, абстрыжыны, а у хлопцев серьги, у их волосы длинные*, ЕИС. Таким образом, оппозиции «мужской–женский», «старшие–младшие» (*теперь все равные стали*) снимаются, ср. замечание А. Ф. Белоусова: «Нейтрализация основных противопоставлений особенно проступает в высказываниях информантов о взаимоотношениях людей в „последние времена“» (Белоусов 1991: 25).

Отсутствие в «последние времена» религиозности, забвение молитв, что предсказывали бабушки и дедушки, дает информантам основание уверять слушателей и уверяться самим, что *кончина* приближается: *Мой дедушка так мне говорил: «Дочечка, живи и помни:*

на последнее время не будете Божиего слова слышать». А вот оно и идет туда. Где ты услышишь Божие слово? ЕИС; Теперь не признают ничего; Еще вот старые живем, а старые поумирают, они уже не будут ни креститься, ни венчаться, ни молиться, оне уже не знают. Горе нам буде, АФС.

Сохранение порядка (*мы держим*) или его отсутствие (*теряется, оне уже отходят, отступили от веры, слабость, ослабли*) — одна из наиболее частых проблем, которые обсуждаются в беседах со староверами. Современные старообрядцы начиная с 50-летнего возраста и старше¹² утверждают: *Как родители прожили, так и нас благословили, ДДБ; Как мне бабушка учила, так вечно я живу, ФФ.* В вопросах веры и повседневного поведения, воспитания и передачи ценностей они опираются на опыт старших: *А мы по-своему держим, как наши держали*¹³, СГВ. Однако при этом о своих детях и внуках (да и о братьях и сестрах, иногда старших, иногда младших) информанты говорят, что у них *теперь уже нема* [веры], *теряется*, АНЛ. Ключевые противопоставления выражаются лексемами *держать* — *отпасть, отстать, ослабеть, сумлеваться*. Это, однако, связано не только с последними годами. Сами старообрядцы приводят афоризмы «Дите мое, а разум свое», «Учи, учи, а каждый сам свое делает» и, вспоминая о воспитании в детстве, отмечают, что «На всю жизнь учили. Но есть учили, а не знают»: *У мене сестры от поменьше одна 10, другая 14 годов. Они даже «Достойно есть» не знают. Я сестре говорю: «Да как ты помирать будешь?» У меня дочка. И внучка 6 годов как поехала в Грецию. А до 6 годов со мной была дома. Мы встанем раненько, я ей «Помолись начал, „Достойно есть“, „Богородицу“». А щас я ей говорю: «Встала, глаза не протерла и за стол. Хоть „Отче наш“ прочти». Оне смеются. Ну что вы отстали [от веры]? Не крестя не моля, воду раскрытую в доме держат. А дети? Приедут раз у год, я прям не знаю, «Чи завладал вам дьявол?», — говорю. Приехали у год раз, ты иди у церкву. Подойди под дары, подойди под крест». Что ж вы шукаете только телесное? А душа она просит..., ПФЕ.*

¹² Здесь уместно напомнить об уже подмеченной «типологии» современных староверов (Никитина 2008: 42) и о переходе староверов с возрастом из одной страты в другую, более близкую к церковной элите. Изменение ценностных ориентаций отмечается в любых социологических опросах (в возрасте 55–64 года такие ценности как вера, внимание к людям, милосердие, мир и др. становятся доминирующими, БЦР: 31).

¹³ Ср. почти буквальное выражение в записи С. Е. Никитиной: «Живём, как деды и праведы (sic!) завещали. Что завещано, то и дёржим, а наперёд не знаем» (Никитина 2008: 36).

Подобные наставления нередко достигают цели — хотя бы в доме «держательницы» веры младшие соблюдают порядки: *Сюды приедут [из Греции], знают — шепчут: «Что там, как там было у бабки», ПФЕ. С возрастом начинают вспоминать то, к чему в детстве не прислушивались: Когда молодой дитенок, ты ево ничево не можешь научить никакими судьбами, пока он сам не наберется горя, радости или сам в голову не возьмет. Потом вырастет, будет вспоминать: «Мене мама говорила», УНМ.*

Старинные модели назидания воспроизводятся применительно к новой ситуации. Так, в письмах дочери и зятю, жаловавшимся, что не могут найти работы в Греции, одна информантка писала: *Просите Бога, Господь не отстанет. Господь даст, найдете, найдете работу. Тярните. И терпение, как говорится в книге, рушит горы, сушит море, ПФЕ.* Такие тексты служат подтверждением тому, что и система семейных ценностей, и механизмы их передачи у старообрядцев Болгарии и Румынии живы.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Анастасова 1998 — Анастасова Е. Старообрядцы в Българиа: Мит. История. Идентичност. София, 1998.
- Белуосов 1991 — Белуосов А. Ф. Последние времена // Aequinox. Сборник памяти о. Александра Меня. М., 1991.
- БЦР — Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М., 2003.
- Кабакова 2009 — Кабакова Г. И. Семья // Славянские древности. М., 2009. Т. 4.
- Касаткин 2008 — Касаткин Л. Л. Русский говор села Татарица в Болгарии // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Никитина 2008 — Никитина С. Е. Устные жанры в профессиональной культуре (Старообрядцы в сопоставлении с молочанами и духоворами) // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.
- Плотникова 2007 — Плотникова А. А. Русские старообрядцы Добруджи // Живая старина. М., 2007. № 3.

- Пригарин 2004 — Пригарин А. А. 2004. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджи // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2004. Вып. 10.
- Пригарин 2008 — Пригарин А. А. Формирование старообрядческого населения Придунавья в конце XVIII — начале XIX вв. // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Международ. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.
- Разумова 2001 — Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. М., 2001.
- Романска 1959 — Романска Цв. Фолклорът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет, филологически факултет. София, 1959. Т. 53. № 2.
- Сапогова 2002 — Сапогова Е. Е. Семейный нарратив как прецедентный текст для ребенка // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции «Социокультурная герменевтика: теоретико-методологическое обоснование в контексте развития толерантности». Кемерово, 2002.
- Седакова 2006 — Седакова И. А. Россия и русские глазами старообрядцев Болгарии // <http://www.starover.religare.ru/article7093.html>.
- Седакова 2008а — Седакова И. А. Родството при русите-старовери в България и Румъния: фолклорните манифестации // Български фолклор. 2008. № 1.
- Седакова 2008б — Седакова И. А. Русская речь в балканском окружении // Карпатобалканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008.
- Седакова 2008в — Седакова И. А. Сны и видения в народно-религиозной культуре староверов на Балканах // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Международ. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.
- Толстая 2009 — Толстая С. М. Род // Славянские древности. М., 2009. Т. 4.
- Толстова 2004 — Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск, 2004.
- Узенева 2007 — Узенева Е. С. Старообрядцы в Болгарии // Живая старина. 2007. № 3.
- Steinke1990 — Steinke K. Die Russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg, 1990.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

АНЛ — Анистья Никитовна Лазарова, 1962 г. р., 9 классов, Сарикёй, Румыния.

-
- АФС — Анастасия Федуловна Симеонова, 1928 г. р., 3 класса, Татарица, Болгария.
- АЯИ — Агриппина Яковлева Илиева, 1938 г. р., 4 класса, Казашко, Болгария.
- ДДБ — Доменика Денисовна Борисов, 1948 г. р., 9 классов, Браила (род. в Каркалиу), Румыния.
- ДЛА — Данила Лазаревич Артемиев, 1940 г. р., 8 классов, Браила, Румыния.
- ЕА — Евдокия Акхей, 1956 г. р., 10 классов, Татарица (род. в Каркалиу, Румыния), Болгария.
- ЕИС — Евфимия Исааковна Сидоров, 1926 г. р., 3 класса, Браила, Румыния.
- ИЛБ — Илларион Лаврентьевич Борисов, 1942 г. р., высшее образование, Браила, Румыния.
- ККЛ — Кирилл Константинович Липатов, 1941 г. р., 7 классов, с. Каркалиу, Румыния.
- НМП — Настасья Матвеевна Петрова, 1952 г. р., 7 классов, Браила, Румыния.
- ПФЕ — Пелагея Федоровна Еремия 1940 г. р., 5 классов, Каркалиу, Румыния.
- СГВ — Сидор Гурьевич Василий, 1933 г. р., 8 классов, с. Сарикёй, Румыния.
- УНМ — Ульяна Никитовна Митрей, 1942 г. р., 8 классов, с. Сарикёй, Румыния.
- ФК — Феврония Критская, 1941 г. р., 4 класса, Казашко, Болгария.
- ФФ — Фекла Филипова, 1940 г. р., 7 классов, Казашко, Болгария.

УДК 811.16
ББК 82
К 29

*Исследовательская работа российских авторов и издание книги
осуществлены в рамках Программы ОИФН РАН
«Генезис и взаимодействие
социальных, культурных и языковых общностей»
(проект «Семантическая реконструкция
народной духовной культуры славян»)*

Р е д к о л л е г и я

*С. М. Толстая (ответственный редактор)
Т. А. Агапкина
Е. С. Узенёва*

Категория родства в языке и культуре / Отв. редактор
С. М. Толстая. — М.: Индрик, 2009. — 312 с.: ил. («Библиотека
Института славяноведения РАН. 16»)

ISBN 978-5-91674-065-3

Сборник включает статьи российских и болгарских ученых, посвященные отношениям родства — одной из ключевых семантических категорий языка и традиционной культуры.

Исследуется лексика родства и ее вторичные метафорические значения, символика и магия родства в народной культуре славян и их соседей (греки, евреи), социальные аспекты родственных отношений (семья, усыновление, духовное родство, проклятие и др.), ритуальные функции «персонажей» родства (свадебный обряд, застолье), мотивы родства в народном календаре, в мифологических представлениях и фольклорных текстах разных жанров (обрядовая поэзия, заговоры, нарративы).

Книга адресована лингвистам, фольклористам, этнографам и всем интересующимся традиционной духовной культурой и ее отражением в языке.

ISBN 978-5-91674-065-3

© Коллектив авторов, Текст, 2009
© Издательство «Индрик», оформление, 2009